Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2025

Ростов Великий
2026

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Яро-2)я43
И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2025 /
И90 ГМЗ «Ростовский кремль»; науч. ред. Я. Е. Смирнов. — Ростов Великий : ГМЗРК, 2026. – 572 с. : ил.
ISBN 978-5-6046013-3-4

В сборнике опубликованы материалы XXXIV научной конференции «История и культура Ростовской земли», состоявшейся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» 5–7 ноября 2025 г.

Издание адресовано научным работникам, исследователям отечественной и региональной истории и культуры, краеведам, преподавателям и студентам гуманитарных специальностей высших учебных заведений.

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Яро-2)я43

ISBN 978-5-6046013-3-4

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2026

Содержание

Парфенов А. Ю. *(Москва).* Еще раз о времени служения святителя Иакова, епископа Ростовского 7

Рубцова М. Л. *(Ростов Великий).* Спасо-Преображенский Княгинин и Яковлевский Зачатьевский монастыри в Ростове как примеры двойных обителей на Руси. Постановка проблемы 13

Ручкина А. Ю. *(Москва).* Функции свидетельств об ароматах в житиях юродивых на примере Жития Исидора Твердислова 24

Черкасова М. С. *(Вологда).* Жалованные грамоты Спасо-Ярославского монастыря XIV–XVII вв. и их особенности 31

Столярова Л. В. *(Москва).* Чем был «венецианский териак», переданный Джеромом Горсеем для царицы Марии Федоровны Нагой в Ярославле, в мае 1591 г.? 43

Иванов Л. М. *(Рыбинск).* Рыбная слобода — малый город Московского царства XVI–XVII вв. 64

Сергеев А. В. *(Санкт-Петербург).* Землевладение членов Государева двора в Ярославском уезде в 1620-х гг. 80

Мельник А. Г. *(Ростов Великий).* Митрополичьи кельи на сушилках, погребах и ледниках Ростовского кремля 99

Никитина Т. Л. *(Ростов Великий).* Художественная жесть в интерьерах церквей ростовского митрополита Ионы 117

Горбачевский Е. А. *(Москва).* Ростовские дети боярские по материалам разбора 1679 г. 129

Полознев Д. Ф. *(Ярославль).* Ловецкие люди Ярославля XVII в. 150

Стародубов Ю. В. *(Москва).* Круг предполагаемых заказчиков строительства и росписи Спасского храма села Николо Заболотье Тутаевского округа Ярославской области 162

Коновалов В. В. *(Ярославль).* Свт. Димитрий Ростовский и «кризис» приходской школы в конце XVII в. 177

Корзинин А. Л., Бородовский А. И. *(Санкт-Петербург)*. О датировке синодиков Ростовского Успенского собора XVII–XVIII вв. 191

Белова Н. В. *(Ярославль)*. Коллекция изданий гражданской печати XVIII в. Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова: анализ свидетельств бытования экземпляров 202

Букреева О. В. *(Ростов Великий)*. Библиотека Ивана Алексеевича Назимова в коллекции музея-заповедника «Ростовский кремль» 213

Кузнецова О. А. *(Москва)*. Репрезентация городских сцен на изразцах с текстами XVIII–XIX вв. 230

Рубцова М. Л. *(Ростов Великий)*. Вклады почитателей св. Димитрия Ростовского в Спасо-Яковлевский монастырь во второй половине XVIII — начале XIX в. К вопросу о новых именах и атрибуции предметов из собрания музея «Ростовский кремль» 243

Скурат Н. К. *(Москва)*. Преподобный Антоний Оптинский, его семья и Ростов Великий 276

Иванов Л. М., Гожалимова О. С. *(Рыбинск)*. Петр Ильич Гундобин — собиратель древностей Рыбинска 291

Мельник Л. Ю. *(Ростов Великий)*. Рудаковский сад: видовая и сортовая реконструкция помещичьего сада 1880-х гг. 297

Леонов Д. Е. *(Ростов Великий)*. Насельники Ростовского Борисоглебского мужского монастыря во второй половине XIX — начале XX в.: динамика численности, социально-демографические характеристики 315

Грибанова С. Ю. *(Ростов Великий)*. История ростовского купечества второй половины XIX — начала XX в. в зеркале семейных хроник Шелеховых и Деевых 325

Киселев А. В. *(Ростов Великий)*. Повседневная жизнь Ростова в конце XIX — начале XX в.: профессиональная структура (на материалах газеты «Северный край» и ее продолжений 1898–1909 гг.) 342

Лисицына Н. Е. *(Клин).* Предметы крестьянского костюма XIX — начала XX в. из собрания Клинского краеведческого музея 355

Александров Н. М. *(Ярославль).* Ростовский уездный местный комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности о положении в деревне на рубеже XIX–XX вв. и о мерах по ее модернизации 372

Степанов К. А. *(Ростов Великий).* Первая мировая война: поставка ткани для нужд армии из Ростовского уезда Ярославской губернии 385

Грязнова Н. С. *(Ростов Великий).* Реставрация и исследование иконы «Святитель Димитрий Ростовский» XIX в. 396

Нечаева Т. Н., Родионова В. Ю. *(Москва).* Новые открытия в Рублевском музее 407

Кострицкая К. А., Галкина Ж. Б. *(Клин).* Коллекция ручных прялок из фондов Клинского краеведческого музея 421

Панченко И. А. *(Санкт-Петербург).* Образ Ростовской земли в фотографической коллекции Государственного Русского музея 436

Колбасова Т. В. *(Ростов Великий).* Экспедиции Д. А. Ушакова 1920-х гг. и их роль в формировании коллекции древнерусского искусства Ростовского музея 458

Артемичева Е. Г. *(Ростов Великий).* К вопросу о творчестве ведущего ювелира ростовской финифти второй половины XX в. Л. Н. Матаковой 482

Пономаренко С. В. *(Ростов Великий).* Произведения Алексея Гавриловича Пичугина из собрания «Ростовского кремля»: исследование и выявление характерных особенностей 495

Пак В. Ф. *(Ростов Великий).* К вопросу об истоках участия ростовских художников в создании экстерьерных эмалевых икон 515

Рыкунова И. И., Уткин Д. Е. *(Рыбинск – Ростов Великий).* Разведка на территории Михайловского археологического комплекса в 2025 г. 525

Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н., Френкель Я. В. *(Санкт-Петербург – Москва – Санкт-Петербург).* Первая церковь Бориса и Глеба в Ростове. Открытие, изучение и результаты исследования 2025 г. 534

Морозов А. Г. *(Ростов Великий).* Ростовская земля и Всероссийский историко-культурный проект «Императорский маршрут» 547

Капков К. Г. *(Сольба).* Издательско-просветительская деятельность научного отдела Николо-Сольбинского женского монастыря Переславской епархии 559

Список сокращений 567

УДК 271.2-788(470.316-21)"18/19":314

НАСЕЛЬНИКИ РОСТОВСКОГО БОРИСОГЛЕБСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Леонов Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», г. Ростов Великий
E-mail: demetriosrost@yandex.ru

В работе на основе ведомостей о Ростовском Борисоглебском на Устье мужском монастыре из собрания Государственного архива Ярославской области за 1848–1915 гг. выявлены особенности социального развития обители во второй половине XIX — начале XX в. Рассматривается численность насельников, их возраст, социальное происхождение (сословная и региональная принадлежность), длительность проживания в обители, уровень образования.

Ключевые слова: духовенство, монашествующие, Ростовский Борисоглебский монастырь, церковь, Ярославская губерния.

THE INHABITANTS OF THE ROSTOV BORISOGLEBSKY MONASTERY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY: POPULATION DYNAMICS, SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS

Leonov Dmitry Evgenievich,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher,
State Museum Reserve «Rostov Kremlin»,
Rostov Veliky
E-mail: demetriosrost@yandex.ru

The article examines the features of the social development of the Rostov Borisoglebsky monastery in the second half of the XIX — early XX century. The source was the statements about the monastery from the collection of the Yaroslavl Region

© Леонов Д. Е., 2026

State Archive for 1848–1915. The number of inhabitants, their age, social origin (class and regional affiliation), duration of residence in the monastery, and level of education are considered.

Keywords: clergy; monastics, Rostov Borisoglebsky monastery, church, Yaroslavl province.

***

Ростовский Борисоглебский на Устье мужской монастырь за последние 200 лет неоднократно становился предметом исследований. Дореволюционная историография описывает обстоятельства его основания, основные вехи развития, некоторые хранившиеся в нем древности [1–5 и др.]. В советские годы основное внимание уделялось изучению архитектурного ансамбля монастыря. Подробный обзор литературы по данной теме привел А. Г. Мельник [6, с. 99–100]. После начала возрождения монашеской жизни в Борисоглебском монастыре, давшего импульс краеведческой работе, начали изучать различные аспекты истории обители — в том числе с использованием в качестве источников музейных предметов [7; 8 и др.].

Несмотря на кажущееся обилие печатных работ, полноценных исследований, дающих представление о насельниках Борисоглебского монастыря в пореформенный период, нет. При этом источниковая база — официальная монастырская статистика — позволяет установить количество насельников в различные годы, их возраст, социальное происхождение (сословие и региональную принадлежность), длительность проживания в обители, уровень образования[1]. В динамике эти показатели дают яркую картину развития монастырского духовенства как части социальной структуры Российской империи.

Основным источником исследования послужили ведомости о Борисоглебском монастыре из коллекции Ростовского филиала Государственного архива Ярославской области за период с 1848 по 1915 г. Ведомости заполнялись казначеем монастыря ежегодно в конце календарного года, заверялись настоятелем и направлялись в Ярославскую духовную консисторию. На их основе готовился ежегодный отчет о состоянии епархии, который отсылался в Святейший Синод.

Структура ведомости в изучаемый период в целом состояла из трех частей: исторической справки о монастыре, сведений о монастырской экономике и клировой ведомости. В первой части давалась краткая характеристика основных вех истории обители, перечислялись храмы и все постройки, наиболее значимая утварь в них, уделялось внимание деятельности последних настоятелей по благоукрашению монастыря. Экономические сведения содержали перечень всего имущества обители,

[1] Следует отметить, что вопрос о социально-демографических характеристиках насельников Борисоглебского мужского монастыря затрагивался в работе автора настоящей статьи, опубликованной в 2020 г. [9]

его доходов и расходов за истекший год. Клировая ведомость включала послужные списки настоятеля, казначея, монашествующих и послушников.

В 1913 г. Борисоглебский монастырь обладал пятью храмами, которые, по мнению монастырского руководства, «все» носили «на себе отличительный характер готической архитектуры»[2] [10, л. 1 об.; 11, л. 103 и др.]. Храмы находились в хорошем состоянии и постоянно «улучшались». Монастырский капитал состоял из недвижимости, земельных участков, рыболовного озера, ценных бумаг и наличных денег, поступавших в течение всего календарного года. За 1913 г. монастырь заработал в общей сложности 17938 руб. 36 коп.; из них 1249 руб. поступало из уездного казначейства [10, л. 14]. В 1915 г. доходная часть бюджета уже составляла 21792 руб. 65 коп. [12, л. 12]. Весь капитал монастыря за 1913 г. составлял 68045 руб. 91 коп. [10, л. 14], а в 1915 г. — 73687 руб. 98 коп. [12, л. 12]. Видное место среди монастырских доходов занимали «ходовые» — средства, вырученные от крестных ходов с иконой преподобного Иринарха Затворника. В целом монастырское хозяйство было рентабельным: его доходы постепенно возрастали.

Борисоглебский монастырь относился к второму классу. Согласно штатному расписанию, в нем должны были проживать 18 человек: настоятель — архимандрит, казначей, 6 иеромонахов, 4 иеродиакона, 5 послушников, письмоводитель (подьячий) [10, л. 8 об.]. В действительности численность насельников не всегда соответствовала штату.

Пополнение состава монастыря в начале и середине XIX в. происходило преимущественно за счет выходцев из белого духовенства. Во-первых, в обитель поступали вдовые священники, диаконы и псаломщики. При этом некоторые были «определены» в монастырь «за пьянство» и иные проступки. Лица, уже имевшие священный сан, как правило, записывались в число монашествующей братии. Во-вторых, состав братии пополнялся за счет монахов, переведенных либо перешедших по собственному желанию из других обителей — нередко вместе с новым настоятелем. В-третьих, в монастырь в качестве послушников поступали дети священно-церковнослужителей, не окончившие курс в духовном училище (реже — в семинарии). Подавляющее большинство из них покидало обитель в течение одного-двух лет: изначально они воспринимали монастырь как временное место жительства. И лишь единицы приходили в обитель «по призванию», имея искреннее желание вести монашескую жизнь. Прожив от одного до трех лет в статусе «бельца» и исполняя послушания, они занимали штатную послушническую вакансию, затем постригались в рясофор и мантию. Наиболее способные из них впоследствии принимали священный сан.

В 1804 г. из 17 насельников 15 были выходцами из духовного звания и лишь двое — из других сословий. В основном это вдовые священники

[2] Формулировка эта, видимо, вошла в обиход в первой половине XIX в., ежегодно переписывалась, встречалась во всех ведомостях второй половины XIX — начала XX в.

и диаконы, а также дети духовенства [13, л. 2–6 об.]. На 1848 г. в монастыре проживало 17 человек, из них не менее 13 происходили из духовенства. Среди девяти монахов (средний возраст — 54 года) не все имели монашеский статус: например, в их числе значился вдовый диакон Иван Григорьев, сосланный в монастырь за пьянство. Трое представителей братии имели оконченное семинарское образование (Ярославская духовная семинария), поскольку ранее служили священниками на приходах епархии. Двое обладали незаконченным семинарским образованием, один не имел никакого образования (он происходил из крестьян); сведения об образовании еще двоих в документах не приведены. Среди восьми послушников — очень молодых людей (средний возраст — 26 лет) — семеро были детьми дьячков и пономарей, исключенных из семинарии и духовных училищ. Лишь один человек происходил из государственных крестьян (ему был 41 год). Большинство насельников по происхождению были местными — из Ярославской губернии. Из восьми монашествующих двое проживали в обители более 5 лет; среди послушников половина прибыла в монастырь в течение двух последних лет [11, л. 94–100].

На протяжении второй половины XIX и двух первых десятилетий XX в. численность монастырского контингента претерпела изменения. Динамика численности насельников приведена в приложении в таблице 1. С 1848 по 1915 г. наблюдался постепенный рост численности насельников. К 1915 г. их число вдвое превышало штатные показатели. Впрочем, имели место колебания, которые, вероятно, связаны с не всегда высоким качеством учета послушников, не определенных консисторским указом, а также с повышенной текучестью монастырских кадров в связи со сменой руководства. Рост численности насельников происходил в значительной степени за счет послушников, число которых обычно превышало численность монахов.

Максимальная численность насельников наблюдалась в 1900 г. — 51 человек. С 1897 г. монастырем руководил архимандрит Ювеналий (Штынкин), обладавший большим опытом монашеской жизни и руководящей работы. Он происходил из крестьян Рыбинского уезда Ярославской губернии. При нем прекратилась ранее распространенная практика размещения в монастыре недоучившихся детей причетников; одновременно возросло число насельников из крестьян — это видно из таблицы 2.

На протяжении XIX в. для монастыря была характерна высокая доля выходцев из духовенства, однако постепенно она снижалась. На места потомственных церковников приходили представители крестьянства и других сословий. Этот процесс был характерен для российских монастырей в целом, но в Борисоглебском монастыре по какой-то причине он протекал замедленными темпами. В условиях аграрного перенаселения и безработицы место послушника в монастыре для бедного крестьянина или мещанина могло казаться привлекательным; в то же время выходцы из духовенства, будучи более образованными, занимали более выгодные позиции на рынке труда.

Численность выходцев из крестьян изменилась с 12 % в 1848 г. до 68 % в 1915 г. Таким образом, крестьянство стало основным сословием, пополнявшим обитель в начале XX в. и в 1910-е гг. Данная тенденция также была характерна для российских монастырей. Отчасти этот процесс можно связать с ролью настоятелей: все чаще ими становились выходцы из крестьян.

Если в середине XIX в. монастырь был учреждением, где в основном проживали представители потомственного духовенства, то к 1915 г. иносословные насельники составляли уже более 80 % от общего населения монастыря. Таким образом, так называемая «сословная замкнутость» на примере Борисоглебского монастыря была полностью преодолена.

Следует также отметить, что в числе монашествующих нередко указывались священнослужители, не являвшиеся монахами, а отправленные в обитель для исправления. Их образ жизни можно узнать из пометок, сделанных настоятелем в клировой ведомости в графе о поведении. Так, в 1889 г. в числе братии проживал вдовый диакон Н. П. Лахостский, имевший «вздорный» характер и «много пьянствовавший» [18, л. 15–15 об.]. В 1897 г. среди монашествующих были указаны вдовые диакон и священник — оба страдали алкоголизмом. Согласно отметкам архимандрита Ювеналия о поведении братии, из 14 человек общины в 1897 г. шестеро «выпивали» (в том числе иеромонах и иеродиакон) [20, л. 12–27]. Часть выходцев из духовенства, как уже отмечалось, составляли мальчики — дети причетников, не окончившие курс духовного училища или семинарии. В начале XX в., согласно данным клировых ведомостей, практика размещения в монастыре белых священнослужителей, склонных к девиантному поведению, а также недоучившихся детей причетников, сошла на нет — возможно, благодаря усилиям настоятеля — архимандрита Ювеналия и его преемников.

Средний возраст насельников Борисоглебского монастыря приведен в таблице 3. Он оставался относительно стабильным: большинство составляли лица зрелого возраста — примерно от 37 до 70 лет, в среднем 50–54 года. К началу XX в. среди монахов наметился некоторый процесс «омоложения». В XIX в. послушники были существенно моложе монахов — если не брать во внимание данные 1877 г., где общая численность послушников не указана. Это объяснялось с уже упомянутой практикой размещения в монастыре детей причетников, отчисленных из начальных духовных учебных заведений. Так, в 1885 г. из 21 послушника 16 были детьми церковнослужителей; самому младшему из них исполнилось всего 12 лет. В обители они проживали временно — «по училищному свидетельству» [17, л. 23 об.–28]. Вероятно, такой контингент присутствовал в монастыре и ранее, но, в связи с временным характером пребывания его не всегда вносили в ведомости.

Повышение возраста послушников в начале XX в. объясняется снижением количества детей духовенства среди поступающих. Их место занимали крестьяне, которые, как правило, были старше.

Данные об уровне образования насельников Борисоглебского монастыря, сведенные в таблицу 4, дополняют характеристику состава братии. Наличие высшего, среднего и даже начального законченного образования (тем более профильного духовного) для рядового насельника монастыря было редким исключением. На протяжении более чем 20 лет (с 1885 г.) в монастыре постоянно проживал лишь один человек с высшим образованием — выходец из дворян Василий Рагозин (с 1892 г. — монах Вениамин). Он окончил Константиновский Московский межевой институт и поступил в обитель в зрелом возрасте.

Наличие среди насельников в XIX в. лиц со средним образованием было связано прежде всего с практикой размещения в монастыре овдовевших священнослужителей. Семинарским образованием обладал настоятель монастыря архимандрит Вениамин (Сулостский), в прошлом — вдовый священник. Он возглавлял монастырь с 1885 г., а после увольнения проживал в нем на покое. Также с 1863 г. настоятелем обители был архимандрит Даниил (Сивиллов): он имел оконченное среднее образование (семинарию) и неоконченное высшее[3].

Ведомости за 1906, 1913 и 1915 гг. свидетельствуют об отсутствии в монастыре лиц со средним и высшим образованием. Вероятно, это обусловлено преобладанием среди насельников крестьянского контингента, наличием у образованных людей более привлекательных карьерных возможностей, а также общим снижением религиозности в интеллигентной среде.

Приведенные данные позволяют проследить постепенный рост численности лиц с неоконченным начальным образованием. Если до 1897 г. такое образование имели преимущественно дети причетников, исключенные из духовных училищ, то в начале XX в. и в 1910-е гг. это были представители разных сословий, обучавшиеся в различных начальных учебных заведениях — от церковно-приходских школ до министерских училищ.

Обращает на себя внимание рост численности лиц с домашним образованием. Обычно такую форму обучения указывали в послужных списках выходцев из крестьян или мещан. В чем именно заключалось «образование в доме родителей» сказать сложно, но, по-видимому, читать и писать эти насельники умели.

Полностью неграмотных среди насельников обители практически не было. Следовательно, монастырская братия была грамотнее, нежели население Российской империи в изучаемый период.

Источники позволяют отчасти охарактеризовать региональную принадлежность насельников Борисоглебского монастыря. В 1848 г. большинство из них (14 из 16) происходили из Ярославской губернии; лишь двое являлись выходцами из Пензенской и Новгородской губерний [11, л. 94–100]. На 1854 г. все обитатели были местными — из Ярославской

[3] Подробнее о нем см., например: Даниил (Сивиллов) // Древо: открытая правосл. энцикл. URL: https://clck.ru/3VKZ2u (дата обращения: 12.01.2026).

губернии [11, л. 103–108]. Постепенно численность насельников, пришедших в монастырь из других регионов, возросла.

К 1913–1915 гг. монастырь превратился в своеобразный «плавильный котел»: в нем проживали представители разных регионов и сословий. Так, в 1913 г. в обители жили выходцы из Вологодской, Нижегородской, Курской, Саратовской, Тверской, Харьковской, Черниговской, Пензенской, Владимирской, Тамбовской и других губерний [10, л. 24–38].

Вопрос региональной принадлежности тесно связан с проблемой стабильности монастырского контингента и текучести кадров. Следует отметить, что эти показатели колебались — видимо, в зависимости от условий проживания, отношений в коллективе и личности настоятеля. В целом состав братии менялся довольно часто: за 10 лет он мог обновиться более чем на 80 %. Состав послушников менялся ежегодно — их фамилии вычеркивались, а ведомости испещрены исправлениями и приписками.

В 1885 г. из 12 человек монашествующей братии пятеро проживали в обители более 5 лет, причем трое из них — свыше 20 лет. Большинство монахов пришли в обитель относительно недавно. В том же 1885 г. произошла смена настоятеля и казначея: настоятелем стал архимандрит Вениамин. Вероятно, в этой связи несколько человек покинули монастырь — их фамилии вычеркнуты из ведомости карандашом [17, л. 12 об.–23]. К 1905 г. семь из 12 монахов поступили в монастырь при архимандрите Ювеналии (с 1899 по 1904 г.), то есть за этот срок состав братии поменялся более чем наполовину [22, л. 19 об.–27]. Впоследствии наметилась некоторая стабилизация состава монашествующих. В 1915 г., при архимандрите Власии, из 17 монахов менее 5 лет в монастыре прожили лишь двое [12, л. 24–38 об.]. При этом в ведомости 1915 г. фигурировали четверо монахов из ростовских Авраамиева, Петровского и Варницкого монастырей: они временно пребывали в Борисоглебе, поскольку указанные обители использовались для эвакуации в годы Первой мировой войны.

В целом, приведенные данные позволяют рассмотреть историю монастыря в контексте общего процесса социального развития дореволюционной России, выявить типичные, так и специфические черты изучаемой обители, а также лучше понять проблемы, с которыми сталкивалось церковное руководство во второй половине XIX — начале XX в.

Список источников и литературы

1. *Амвросий (Орнатский А. А.).* История российской иерархии. Ч. 3. Москва: в Синод. тип., 1811. 761 с.

2. *Толстой М. В.* Древние святыни Ростова Великого. Москва: О-во истории и древностей российских, 1847. 89 с.

3. *Боголюбский А.* Ростовский Борисоглебский монастырь // ЯЕВ: ч. неофиц. 1864. 11 июля (№ 28). С. 274–277; 18 июля (№ 29). С. 283–287; 25 июля (№ 30). С. 293–295; 1 августа (№ 31). С. 301–303; 8 августа (№ 32). С. 310–313; 15 августа (№ 33). С. 314–319; 22 августа (№ 34). С. 324–327.

4. *Амфилохий (Сергиевский-Казанцев П. И.; архимандрит).* Жизнь преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что

на Устье реке: с картинами и изображениями его праведных трудов. 2-е изд. Москва: Типолитогр. Д. Г. Гаврилова, 1874. 60 с.

5. Титов А. А. Ростовский, что на Устье, Борисоглебский монастырь. Санкт-Петербург: Тип. М. И. Акинфиева, 1910. 24 с.

6. *Мельник А. Г.* Новые данные по истории ансамбля Ростовского Борисоглебского монастыря // Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов: Ростово-Яросл. архитектур.-художеств. музей-заповедник, 1992. С. 76–104.

7. *Лапшина С. А.* Последнее десятилетие... (Борисо-Глебский монастырь: 1917–1928 гг.) // ИКРЗ. 2008. Ростов, 2009. С. 152–166.

8. *Вахрина В. И.* Икона преподобного Иринарха второй половины XVII века из собрания музея-заповедника «Ростовский кремль» // XVI Всероссийские Иринарховские чтения: сб. материалов: к 400-летию памяти преподобного Иринарха Затворника. пос. Борисоглебский, 2016. Вып. 13. С. 80–82.

9. *Леонов Д. Е.* Социально-демографические характеристики насельников монастырей Ростова и Ростовского уезда в начале XX в. // ИКРЗ. 2019. Ростов, 2020. С. 243–259.

10. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 322. Л. 24–38.

11. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 3. Л. 94–100.

12. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 330. Л. 24–38 об.

13. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 63.

14. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2160. Л. 4–7 об.

15. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 2636. Л. 5–10 об.

16. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 160. Л. 14 об.–23.

17. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 об.–23 об.

18. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 247. Л. 15–21.

19. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 256. Л. 12 об.–20.

20. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 264. Л. 12–27.

21. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 273. Л. 25 об.–37.

22. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 288. Л. 19 об.–27.

23. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 291. Л. 21–34.

24. РсФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 296. Л. 21 об.–34.

Приложение[4]

Таблица 1. Численность насельников Борисоглебского монастыря

Год	1848	1861	1868	1877	1885	1889	1893	1897	1900	1905	1906	1913	1915
Всего проживало	17	17	35	9	33	27	23	42[5]	51	42	35	31	37
Монахов	9	7	10	7	12	11	9	14	16	12	13	17	17
Послушников	8	10	25	2	21	16	14	26	34	30	22	14	20

[4] Таблицы составлены на основе ведомостей о Ростовском Борисоглебском мужском монастыре за 1848–1915 гг. См. в списке источников и литературы пункты 10–24.

[5] В 1897 г. помимо монашествующих и послушников в обители проживали двое пожилых заштатных священнослужителей, не включенных в основной список насельников.

Таблица 2. Происхождение насельников Борисоглебского монастыря

Год	1848[6]	1861	1868	1877	1885	1889	1893	1897	1905	1906	1913	1915
Всего проживало, чел.	17	17	35	9	33	27	23	42	42	35	31	37
Из духовного звания, чел.	13	14	31	4	23	20	15	20	8	4	5	6
в процентах	76	82	88	45	70	74	65	48	19	11	16	16
Из крестьян, чел.	2	1	2	2	5	5	6	14	27	24	20	25
в процентах	12	6	6	22	15	19	26	33	64	69	65	68
Из прочих сословий, чел.	1	2	2	3	5	2	2	8	7	7	6	6
в процентах	6	12	6	33	15	7	9	19	17	20	19	16
Итого выходцев из иных сословий, чел.	3	3	4	5	10	7	8	22	34	31	26	31
в процентах	18	18	12	55	30	26	35	52	81	89	84	84

Таблица 3. Средний возраст насельников Борисоглебского монастыря

Год	1848[7]	1861	1868	1877	1885	1889	1893	1897	1905	1906	1913	1915
Возраст монахов	54	48	44	52	54	55	53	54	54	55	53	51
Возраст послушников	26	22	23	38	23	26	23	24	33	33	39	42

[6] Сведений о настоятеле в ведомости не приведено, поэтому в данном столбце таблицы его происхождение не учтено.

[7] Сведений о настоятеле в ведомости за 1848 г. не приведено, поэтому в данной таблице его возраст не учтен.

Таблица 4. Уровень образования насельников Борисоглебского монастыря

Год	1848[8]	1861	1868	1877	1885	1889	1893	1897	1905	1906	1913	1915
Всего насельников	17	17	35	9	33	27	23	42	42	35	31	37
Имеют высшее образование	-	-	1[9]	1[10]	1[11]	1	1	1	1	-	-	-
Среднее образование	3	1	1	-	2	2	1	3	-	-	-	-
Неоконченное среднее	3	3	3	-	2	1	2	2	-	-	2	1
Оконченное начальное	-	-	-	-	4	-	-	3	1	1	2	1
Неоконченное начальное	6	10	23	3	15	14	15	25	22	15	12	21
Образование «в доме родителей»	-	-	-	5	9	9	4	5	16	17	14	13
«В военной службе»	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Неграмотные	-	-	2	-	-	-	-	-	1	2	1	1
Неизвестно	5	3	5	-	-	-	-	2	1		-	-

[8] Образование настоятеля учтено в графе «неизвестно», поскольку в ведомости сведений о нем не приведено.

[9] Иеромонах Авраамий, выпускник Киевской Духовной академии, кандидат богословия. До 1866 г. преподавал в Ярославской семинарии, однако принял монашество и был рукоположен в иеромонаха. С 1867 г. проживал в Борисоглебском монастыре.

[10] Настоятель — архимандрит Евангел (Дилигенский) (1813–1881), выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия (1840) [16, л. 14 об.–19].

[11] Высшее образование имел послушник, выходец из дворян Василий Рагозин (впоследствии — монах Вениамин, живший в монастыре много лет). Он окончил Константиновский Московский межевой институт, в обитель поступил в зрелом возрасте [17, л. 23 об.–28]. Он же указан в ведомостях за 1889, 1893, 1897, 1905 гг.